

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Константин Калбазов

Росич. Концерн

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Калбазов К. Г.

К17 Росич. Концерн: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 376 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1076-7

Трое друзей по воле случая переносятся из 1998 года в 1898-й. Как им поступить? Остаться просто сторонними наблюдателями, озаботившись только своим благополучием? Или вмешаться в ход истории и попытаться выиграть грядущую Русско-японскую войну? Вопрос серьезный. Ответ неоднозначный.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1076-7

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июнь 1998 года

Глава 1

КОМАНДИР 247-го

Антон с явной неохотой отложил в сторону книгу и прислушался к дыханию корабля. Что-то было не так. Что-то заставило его отложить в сторону увлекательное чтение. Что именно, он пока не мог понять, так как был далеко от настоящего. Мысленно он все еще был в 1904 году. Переживал успехи и неудачи русских армии и флота, прикидывая, что бы он сделал не так, будучи на месте того или иного командира. Как бы мог повлиять на исход войны адмирал Макаров, не подорвись на mine броненосец «Петропавловск» или хотя бы останься жив сам адмирал.

Но настоящее постепенно все же завладело им, и Песчанин наконец осознал, что именно отвлекло его. Начала усиливаться качка.

Когда молодой капитан-лейтенант появился на мостике, его встретил помощник. Кисло улыбнувшись, Старцев обреченно развел руками:

— Вот, командир, полюбуйся на наших синоптиков. Еще утром предсказывали не погоду, а манну небесную. Теперь весь эфир оборвали штормовым предупреждением.

— Сколько грозятся?

— До двенадцати баллов.

— Сколько?!!

— Ты не ослышался, командир.

— Да они что там, охренели?!!

Старцев молча взирал на ту бурю, что уже разразилась перед его глазами. Он прекрасно понимал Антона — еще несколько минут назад он и сам выдал такую трель, что любо-дорого. Затем вызвал штурмана, и они прикинули, сколь-

ко до ближайшей безопасной стоянки, после чего на пару выдали ничуть не менее заслуживающую выполнения тираду, и, собственно, в результате этих телодвижений он не успел вызвать командира, а когда уже собрался — тот сам предстал пред очами своих офицеров.

— Ладно, это полемика, — успокоившись, через минуту резюмировал Песчанин. — Сколько до ближайшей стоянки?

— Два часа полным ходом, — вступил в беседу штурман лейтенант Котов.

— А когда нас накроет?

— Ты перестал разбираться в погоде? — Вопрос Старцева звучал с неприкрытой иронией и как-то нервно — было с чего нервничать.

— Нет, не перестал. — Взглянув на штурманскую карту, Песчанин повернулся к рулевому и скомандовал: — Право тридцать.

— Что ты задумал, Антон? — В голосе Старцева отчетливо промелькнули тревожные нотки.

— Трудно догадаться? — невесело ухмыльнулся Антон. — Мы у Кунашира, и там есть одна неприметная бухточка.

— Ты с ума сошел? Ночью, в такую погоду?

— Здесь нам один хрен кранты. Выхода нет. Андрей, играй побудку.

— Есть, командир, — безнадежно вздохнул Старцев. Конечно, лезть в ту неприметную бухточку — весьма сомнительное удовольствие, но если синоптики правы, то в море им точно верная смерть.

Молодые парни, которым выпала честь служить на сторожевом катере № 247 Тихоокеанской пограничной бригады сторожевых катеров, с матами посыпались с матросских шконок. Но как ни недовольны были матросы неурочной побудкой, отлынивать никто не пытался. Быстро одевшись, экипаж поспешил занять свои места согласно боевому расписанию, прилаживая на ходу спасательные жилеты. Морская жизнь быстро заставляет взрослеть и сплачиваться в команду. Иначе нельзя. В море каждый вручает свою жизнь в руки другого — и сам держит в своих чью-то.

Погода менялась стремительно, и при сильном волне-

нии маленький сторожевик в полном мраке, перекачиваясь с одной волны на другую, нащупывая берег радаром, двигался, полагаясь только на счисления штурмана. Вскоре определились три ориентира. Песчанин с удовольствием заметил, что катер вышел точно к намеченной цели.

Теперь начиналось самое трудное. Впереди был узкий, извилистый фарватер в защищенную со всех сторон маленькую бухту.

Оттеснив в сторону рулевого, Песчанин занял его место и, обернувшись к бледному как полотно штурману, озорно ему подмигнул:

— Валера, потом бояться будем. Командуй и не бойсь — я все исполню как надо!.. Машина, малый вперед! Понеслась душа в рай!

— Типун тебе на язык, — не сдержался Старцев, однако это было все, что он сказал. Дальше он только молча наблюдал за действиями штурмана и командира, боясь чем-либо отвлечь их. Катер немилосердно раскачивало на крутой волне. В такой ситуации удерживать судно на заданном курсе в условиях узкого прохода практически невозможно. Мысленно Старцев проклинал Песчанина на чем свет стоит, но продолжал хранить молчание.

Вдруг катер проскрежетал днищем о подводную скалу — все внутри Старцева словно обдало холодом. Корпус мелко задрожал и завибрировал, снизу донесся гулкий звук удара, и все уже были готовы услышать скрежет немилосердно разрываемого металла, но в этот момент катер вырвался из теснины прохода на спокойную воду бухты.

Заякорившись, Песчанин отдал команду осмотреть корабль и через пару минут удовлетворенно выслушал доклады с боевых постов. Экипаж цел и невредим, не считая пары шишек и синяков. Повреждения — небольшая вмятина по левому борту ниже ватерлинии.

— Фу-у! Прошли по касательной, — облегченно, с задорной улыбкой произнес Антон.

— Антон, это обязательно было делать? — вновь взвился Старцев.

— А у нас был другой выход? — вопросом на вопрос ответил тот ему.

В этот момент из машинного отделения на палубу поднялся мичман героических пропорций, осмотрев очертания берега, он недовольно покачал головой и направился на мостик.

— Ну вот, мало мне было тебя — так теперь и Гризли понял, где собака порылась, — опять вздохнул Песчанин.

Механика не зря прозвали Гризли. Косая сажень в плечах, под два метра ростом, приплюсовать сюда еще свирепый своенравный характер — и получится полное соответствие. Этот детина не мог ужиться ни с одним командиром, и его за малым не списали вчистую, однако за него вступился Песчанин и уговорил приписать мичмана к его катеру. К тому же Семен был по-настоящему знающим механиком, в дизелях разбирался превосходно, вся матчасть у него всегда была в полном порядке. А характер? Так Песчанин и сам был не подарок. Как так вышло, никто сказать не мог, да и для самого Антона это было настоящей загадкой, но мичман Гаврилов вдруг проникся к нему уважением и беспредельной преданностью — впрочем, в этом плане он не был одинок: вся команда любила и была предана своему командиру. Есть такая категория людей, которая располагает к себе с первой встречи, и ничего с этим не поделаешь.

Любой член команды знал непременно одно: командир их не бросит и не предаст ни при каких обстоятельствах, а главное — всегда остается хозяином своего слова. Если Песчанин обещал поощрить, то поощрение было достойным, хотя подчас, чтобы добиться своего, ему приходилось становиться в пику с командованием. Если обещал наказать, то провинившийся буквально стонал под тяжелой дланью командира, причем в этом случае гауптвахта была самым безобидным из возможных вариантов.

Поднявшись на мостик, Гаврилов, словно медведь, в честь которого ему дали прозвище, навис над командиром и пророкотал своим неподражаемым басом:

— Когда прошла команда на малый вперед, я заподоз-

рил, что это может быть именно это место. Но я не поверил самому себе, даже когда почувствовал знакомые повороты.

— Синоптики напутали, — слегка пожав плечами, прокомментировал свои действия Песчанин.

— Много?

— Баллов на пять.

— Да они там что, совсем охренели? Эх, нету на них советской власти: при Советах живо бы по этапу пошли. Это же не одни мы в эту лабуду попали.

— Эт точно. Чай будешь?

— С коньяком? — с хитрым прищуром поинтересовался Гризли.

— С лимоном.

— За вредность положено...

— С лимоном, — упрямо гнул свое Песчанин.

Взглянув на командира, Гаврилов обернулся к штурману и старпому, но те проигнорировали его призыв о помощи, — выбора не было, и он безнадежно махнул рукой:

— Приказать принести в кают-компанию?

— Прикажи организовать чай матросам — натерпелись, поди, — а мы в мою каюту.

— Добро.

В маленькой каюте командира катера было тесновато для четверых — это если сказать очень скромно, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. На небольшом столике были разложены пока еще не убранные книги.

Взяв одну из них, Гаврилов прочел титул, ухмыльнулся и положил обратно. Старцев и Котов также уловили название, но эмоций выказывать не стали.

— Поражаюсь я тебе, командир, — сокрушенно резюмировал Гаврилов. — Боевой командир. Лихой моряк. Гроза всех женщин и бильярда. И на кой черт тебе сдалась эта история? И ладно бы что разнообразное, а то одно и то же и про то же — только и знаешь, что русско-японскую войну гонять вдоль и поперек. Да ты небось уже больше любого профессора про этот период знаешь.

Принесли чай, и Гаврилов был вынужден прекратить

свою тираду. Когда же матрос ушел, Песчанин, не дав Гаврилову раскрыть рта, заговорил:

— Слушай, Гризли, ты любишь ловить рыбу?

— В смысле — на удочку?

— Именно.

— А что может быть лучше рыбалки? Разве только рюмочка отличного коньяку с лимоном и кофе или женщины.

— А я терпеть не могу сидеть часами и пялиться на дурацкий поплавок, даже если имеет место самый бешеный клев. Но зато с удовольствием знакомлюсь с новыми фактами прошедших событий. И смею тебя заверить, что интересуюсь не только указанным тобою периодом. Просто русско-японскую войну я сильно близко принимаю к сердцу.

— Истории не изменить, Антон, — решил вступить в беседу Старцев.

— Знаю. Но нравится мне история, и ничего в этом плохого я не вижу. А потом, народ, забывающий свою историю, обречен на одни и те же ошибки. Ведь история развивается по спирали, и те или иные события имеют свое отражение в будущем, только на другом этапе. Ну взять хотя бы войну на Кавказе. Ведь в девятнадцатом веке уже была война, и русские солдаты обильно полили кавказскую землю своей кровью. И что мы имеем сегодня? Опять идет война, и опять русские солдаты стоят на тех же рубежах, что и их предки.

— Согласен. Но почему именно русско-японская? Семен прав: ты можешь и докторскую защитить на эту тему, — поддержал механика Старцев.

— А ты представь, что адмирал Макаров не погиб, — что тогда, по-твоему, произошло бы?

— Ну ты загнул. Макарову в то время не было равных. Я думаю, что русский флот все же овладел бы преимуществом на море, десантной операции под Бицзиво не было бы, а значит, и осады Порт-Артура как таковой, так как он в конце концов добился бы передачи под свое командование всех войск Квантунского полуострова, а соответственно остановил бы японцев еще под Цзиньчжоу, так как там япон-

цы выиграли только благодаря беспредельной тупости и трусости генерала Фока. В общем, Россия победила бы.

— Я думаю так же. Но что было бы с Россией?

— Ну, историк у нас ты, так что тебе и карты в руки, — ушел в отказ старпом.

— Я предполагаю, что Россия выиграла бы войну, но казалось бы это весьма негативно. Революции пятого-шестого годов избежать не удалось бы. В армии и флоте не были бы проведены реорганизационные мероприятия в той мере, в какой это имело место. И хотя флот не понес бы значительных потерь, к моменту вступления в войну России легче бы от этого не стало. В этом случае России пришлось бы воевать на три фронта. На западе, на Кавказе и на Дальнем Востоке, и теперь уже Япония не стала бы нападать на германский порт Циндао, а совместно с немцами обрушились бы на Порт-Артур и Владивосток. В общем, все то же самое — затянувшаяся война, революция и все остальное дерьмо. — Последнее Антон произнес с таким видом, что, казалось, окажись сейчас перед ним кто-либо из тех революционных вождей, порвал бы как тузик грелку, причем голыми руками.

— Хрен редьки не слаще, — резюмировал Гаврилов. И зачем себе забивать голову, если даже в теории ничего нельзя изменить?

— В теории-то можно. Я в этом уверен, — успокоившись, произнес Песчанин.

— Интересно послушать, — оживился Старцев.

— Еще Ленин назвал гибель адмирала Макарова необходимой жертвой на алтарь революции, так как тоже предполагал, что, останься жив Макаров — и Россия победила бы в войне, и в этом случае революционные выступления не имели бы того размаха, который имел место быть, — начал говорить Антон. — Однако предположим, что адмирал все же погиб. В этом случае ярко раскрывается вся несостоятельность военно-морского командования, как оно и было на самом деле. А вот дальше не помешали бы кое-какие изменения. Предположим, что Стесель поручил командование на Цзиньжоуском перешейке не генералу Фоку, а

Кондратенко. В этом случае японцы не смогли бы разбить русские части, и даже более того — были бы сами разбиты наголову. Ведь даже в бою со всего лишь одним полком армия генерала Оку к концу дня была крайне истощена, а боеприпасов не оставалось практически никаких. Достаточно было нанести всего один контрудар — и японцы покатались бы назад. Я уже не говорю о том, что, командуй там Кондратенко, высадка японской армии под Бицзиво не прошла бы столь гладко. Десант в другом месте на Квантунском полуострове? Маловероятно. Хотя адмирал Макаров и погиб, в Порт-Артуре все еще находилась вполне боеспособная эскадра, и предположить, что нерешительность русских адмиралов дойдет до таких пределов, японцы просто не могли. Одно дело не препятствовать высадке десанта вдали, у Бицзиво, и совсем другое — у себя под носом, в непосредственной близости от крепости: это уже попадает военным трибуналом. Таким образом, японцы могли подойти к крепости не к концу июля, а только к осени. Защитники крепости получали фору во времени и могли значительно лучше подготовить оборонительные сооружения. В любом случае оборона крепости затянулась бы до подхода эскадры адмирала Рожественского.

Новиков-Прибой в своей книге «Цусима» расписал Рожественского как бездарного флотоводца. Но как следует из архивных документов, это соответствовало коммунистической пропаганде, но не соответствовало истине. Рожественский не был гением, но командующим был неплохим. Ему не достало времени, и элементарно снарядов, должным образом подготовить свою эскадру. Ведь большинство личного состава было резервистами. Его эскадра уступала японской как в вооружении, так и технически, и в подготовке личного состава. К тому же за прошедшее время японские моряки успели получить боевой опыт, которого не было у русских моряков. Поэтому, идя на прорыв через Цусимский пролив, Рожественский рассчитывал на то обстоятельство, что в ходе последних боев при помощи артиллерийского огня не было потоплено ни одно судно, кроме «Рю-

рика», что можно было считать исключением, но отнюдь не правилом.

Если же к моменту подхода эскадры Порт-Артур продолжал бы держаться, русский флот получал неоспоримое преимущество. В этом случае на месте адмирала Того я не рискнул бы выходить на бой с русскими. Для Рождественского не составило бы труда скоординировать действия двух эскадр, и у Того не было бы возможности разбить обе эскадры поодиночке.

В общем, огромный полет фантазии. Сказать наверняка что-либо трудно. Но сдается мне, что история России все же намного отличалась бы от той, которая нам известна. — Песчанин залпом допил остатки чая и, потянувшись, закончил: — Ладно, парни. Вахта по расписанию, ждем окончания шторма — и в район патрулирования.

Глава 2 В ОТПУСК

— Ну что, морской волк, ты еще не уgomонился? Просто чудо, что ты не разбил катер вдребезги и не погубил людей!

— Но, товарищ капитан первого ранга, в той ситуации я не видел другого выхода.

— Как это понимать?! Ты хочешь сказать, что тебя испугал шторм в шесть баллов, или наши катера не способны выдержать подобного волнения?!

— Но у меня не было такой информации. Была получена радиограмма о шторме в двенадцать баллов, а это верная гибель для такого малого...

— Я и без тебя знаю, что это значит! Щенок! Почему ты не связался с базой?! Почему не затребовал подтверждения?!

— Неполадки со связью...

— А какого хрена у тебя неполадки с радиостанцией?! Или за это тоже должны отвечать синоптики? Ты бы лучше за порядком на своем катере следил, а не принимал авантюрных решений, рискуя личным составом и казенным имуществом!

— Но все ведь прошло удачно, катер практически не пострадал.

Не скрывавший своего бешенства командир бригады с побагровевшим лицом молча взирал на вконец обнаглевшего каплея. Песчанин всем своим существом ощущал, что командир готов его испепелить или разорвать на кусочки. Что и говорить, на этот раз своей выходкой он превзошел самого себя.

Комбриг Первых в душе завидовал этому парню. Возможно, потому что сам никогда не обладал тем чутьем и мастерством вождения корабля, каким отличался командир 247-го, никогда не имел столь решительного и целеустремленного характера.

Еще когда молодой лейтенант Песчанин появился в городке, смущая красавиц своим неотразимым видом, а сослуживцев небывалым рвением в службе и сильной хваткой, комбриг сразу же обратил на него внимание. Песчанин обладал своенравным характером. Часто становился в пику начальству, за что многие не любили его. Но он был не просто способным парнем, а действительно обещал стать знающим офицером и достойным моряком. Даже недолюбливавшие его старшие офицеры всегда сходились к одному: если необходимо было сделать что-либо хорошо, то это нужно было поручить именно Песчанину, а затем без какого-либо контроля просто дожидаться доклада о выполнении поставленной задачи. Именно поэтому Первых и не позволял съесть молодого офицера. Несмотря на казалось бы враждебные отношения с комбригом, Песчанин стал самым молодым командиром катера и досрочно получил два месяца назад очередное звание.

— Значит, победителей не судят. Так тебя понимать, Песчанин? — сквозь зубы процедил Первых.

— Никак нет. Готов понести наказание, товарищ капитан первого ранга.

— Пошел вон. И чтобы через пять минут на моем столе лежал твой рапорт на отпуск.

— По графику в отпуск уходит мичман Гаврилов.

— Вместе уйдете.

— Но...

— Уйди, Песчанин, или я за себя не ручаюсь, — тяжело вздохнув, подвел итог беседе комбриг.

Песчанину вовсе не улыбалось уходить как побитой собаке — это было не в его правилах. Но что-то подсказывало ему, что на этот раз он и вправду превзошел самого себя и сейчас лучше лишний раз не нарываться.

В приемной его встретила взволнованная секретарша, которая, как всем было прекрасно известно, сохла по подающему надежды каплею, однако Песчанин всячески старался избежать ее. Хотя Катя и не была разборчива в выборе методов, добываясь руки и сердца своего избранника, Песчанину все еще удавалось избегать опасных мелей, и он удачно лавировал меж расставленных сетей.

— Ну что, Антон? — широко раскрыв свои большие голубые глаза, поинтересовалась Катя, не преминув окинуть его плотоядным взглядом.

— Все нормально, Катюша, — успокаивающе произнес он, отводя глаза в сторону. Ох уж эта Катя. Хорошо хоть у нее был пунктик насчет близких отношений до свадьбы, иначе вполне возможно, что Песчанин уже получил бы торпеду ниже ватерлинии, со всеми вытекающими.

Присев к ее столу, он быстро написал рапорт на отпуск и попросил Катю занести рапорт на подпись командиру. Как ни решителен был Песчанин, но даже он не пожелал лишний раз попадаться на глаза комбригу. Через минуту Катя вышла из кабинета и протянула ему подписанный рапорт. Небывалое событие. Минуя все промежуточные звенья, Первых подписал рапорт на отпуск уже с завтрашнего дня — формально Антону даже не требовалось сдавать дела своему старпому, так как Катерина уже начала верстать приказ об отпуске Песчанина и назначении временно исполняющим обязанности командира катера Старцева.

Несколько успокоившись, комбриг вызвал к себе Старцева и приказал к вечеру принять все дела у Песчанина. Все возможные неурядицы Первых обещал разрешить самолучно, от Старцева требовалось только в кратчайшие сроки принять катер. Комбрига многие недолюбливали, но

знали, что он хозяин своего слова, поэтому Старцев в пять минут принял все дела, которые, впрочем, и так были в полном порядке.

После Старцева в кабинет был вызван начальник финансовой службы.

— Петр Сергеевич, выплаты все, что положено, Песчанину, чтобы уже завтра духу его не было на острове. Пускай пару месяцев покувыркается на материке, иначе я за себя не ручаюсь.

— Но вместе с ним уходит Гаврилов?

— Рассчитай и его.

— Но я не могу так сразу. Нужно заказать деньги на данную статью, а когда их пришлют, неизвестно. Вы же знаете, какие сейчас времена.

— Я знаю, что из-за отсутствия денег офицеры у нас в лучшем случае получают отпускные к концу отпуска, а сам отпуск в родном городке — так давно уже за здравствуй, но если я увижу этого мальчишку в ближайшее время, то, клянусь, застрелю его. Возьми с любой статьи, потом восполнишь.

— Я все сделаю, Олег Николаевич.

Глава 3

ВСТРЕЧА, ИЗМЕНИВШАЯ ВСЕ

Владивосток встретил двух моряков-пограничников ясным солнечным днем. Хотя город и не был похож на тот, родной, который знал Антон еще с детства, с нынешним запустением и грязными улицами, озлобленными недостатком средств и невозможностью купить самое необходимое прохожими, все же он разительно отличался от хиреющего все больше с каждым годом и убогого военного городка.

Теплое солнышко согрело владивостокских красавиц и нарядило их в соблазнительные наряды — что поделать, женщины есть женщины, и как бы плохо ни приходилось, они считают своим долгом выглядеть хорошо. От этого зрелища Гаврилова попросту взяла оторопь, и по душе разли-

лась приятная истома, подогреваемая к тому же деньгами, оттягивавшими ему карманы.

— Да-а-а, командир, уходить с тобой в отпуск одно удовольствие. Все задолженности до последнего медяка выплатили, да еще и в рекордные сроки.

— Кому как. Чувствую, что на этот раз серьезно достал старика. Что-то будет, когда вернусь из отпуска?

— Брось, Антон. Ты не хуже любого знаешь, что старик в тебе души не чаёт, потому и отправил с глаз подальше, чтобы под горячую руку не четвертовать. Пока вернемся, переберется, — убежденно резюмировал Семен.

— Все, больше никогда не буду спорить с командиром и устраивать выкрутасов.

— Ага. Зарекалась коза не ходить в огород. Ладно, какие планы, командир?

— Думал сразу домой, к родителям. Но коли уж мы вместе оказались на материке, да еще и при деньгах... Как насчет ресторана?

— Идет. Только вот вещи давай-ка в камеру хранения, не то с сумками в ресторан...

Сказано — сделано. Уже через полчаса молодые люди удобно устроились за столиком уютного ресторанчика, каких во Владивостоке в последнее время появилось довольно много. Они с жадностью набросились на фирменные блюда, обильно заливая их «Абсолютом». Водка пришлась им по вкусу — не чета той дряни, что приходилось пить им на острове. В общем, пито было немало.

Уже ближе к полуночи в зал ресторанчика ввалилась толпа молодых парней крепкого телосложения в спортивных костюмах и коротких стрижках. Быки были уже навеселе, но маленькие глазки еще не стали осолопевшими, а даже, наоборот, светились недобрым блеском. Для завершения столь удачно начатого вечера парням не хватало только двух вещей, а именно — набить кому-нибудь морду и упасть в постель со смазливенькой девочкой. Это было написано на их лбах аршинными буквами.

Парни всем своим видом выказывали пренебрежение к окружающим, вели себя не просто по-хамски, а вызываю-

ше. Однако все их потуги пропадали впустую. Никто не желал призывать их к порядку, и вообще все в ресторане делали вид, что ничего особенного не происходит.

Проходя мимо моряков, один из «пацанов» нагло присел за их столик и, взяв рюмку Песчанина, залпом опрокинул ее себе в рот, после чего, нагло ухмыляясь, уставился на Антона.

— Хороша? — поинтересовался Антон у быка.

— Ага, — нагло ответил тот.

— На здоровье. А теперь я попросил бы тебя оставить нас.

— Ты че хочешь сказать, мариман?

— То, что у нас с другом серьезный разговор, и он не для твоих ушей.

Сказано это было столь спокойным и ничего не выражающим тоном, что бык почему-то сразу уверился в том, что с этими моряками не стоит связываться не то что ему, но и всей их коdle. А быстрый взгляд на покрасневшего от натуги едва сдерживавшегося Гаврилова только лишний раз подтвердил правильность этого вывода. Мозгов в этой бритой голове было не так много, но инстинкт самосохранения из быка пока еще выветрился не полностью.

— Значит, базар между братанами, — решил все же сохранить лицо бык.

— Точно, — подыграл ему Песчанин.

— Это свято. Это уважать надо. Отдыхайте.

С этими словами бык поднялся и, замаявшись на секунду, все же задвинул стул на место. После чего кивнул — мол, бывайте — и направился к своим дружкам, которые в это время уже привязались к маленькой компании в углу зала. Похоже, что у парней дела шли на лад, да и мужики там были поплюгавей.

— Спасибо, командир. Я бы так не смог, — пророкотал Гаврилов. — Терпеть не могу эту шваль. Каждый раз, как бываю на материке, попадаю в милицию — а потом пол-отпуска на губе.

— Из-за этого тебя поперли из пловцов?

— В общем, и из-за этого тоже. Боевой пловец должен

отличаться выдержкой, а я псих. Ну и командование... При Советах в такие подразделения абы кого по блату не засовывали. Ты либо пловец, либо делать тебе здесь нечего. А теперь... — Гаврилов только безнадежно махнул рукой.

В это время из угла зала послышались звуки словесной перепалки, быстро переросшей в потасовку. Песчанин чисто машинально взглянул в ту сторону, так как вмешиваться не собирался, потому что был уверен, что это не какой-либо посетитель решил урезонить хамов, а как раз наоборот — они нашли-таки повод дать кому-то в морду. Целый ресторан посетителей, добрая половина из которых мужики, — и шестеро расхристанных молодчиков диктуют им свои условия. Идиотизм. Если бы нашлись хотя бы те, кто хоть словесно попытался урезонить быков, он непременно его поддержал бы, но таковых не обнаружилось.

В поле его зрения попало мелькнувшее на мгновение в воздухе барахтающее руками и ногами тело мужчины в костюме. Но как ни краток был этот миг, Песчанин все же сумел рассмотреть в этом совершающем экзотический кульбит мужчине своего однокашника Звонарева Сергея.

— Не знаю, как ты, Гризли, но я, пожалуй, вмешаюсь, — поводя плечами, проговорил каплей.

— Оно тебе надо? Ведь хорошо сидим.

— Надо, Гризли, — поднимаясь из-за стола, резюмировал Антон.

Так уж случилось, что его однокашник и друг Сергей Звонарев, будучи не робкого десятка, абсолютно не умел драться, считая, что кулаки — это последний и далеко не самый умный довод. Но когда доходило до дела, а в особенности правого, никогда не отсиживался за спиной у товарищей, правда, всегда получал практически первым и всегда первым выпадал в осадок. Сложилось так, что в их дружной паре Сергей выступал с умственной стороны, а Антон с физической. Нет, Песчанин не был неуспевающим, а в том, что касалось специальных дисциплин, так и вовсе отдавался весь без остатка, но все же... Вот и сейчас Сергей оказался первым и единственным, кто не пожелал мириться с

хамством: в том, что он сам попер на быков, Антон не сомневался.

Гаврилов, тяжело вздохнув, с сожалением осмотрел заставленный всяческой снедью стол и нехотя двинулся за командиром. При этом в его глазах была такая злоба, что, взгляни в них быки, они поспешили бы ретироваться из ресторана. А чего вы хотите, когда такой вечер псу под хвост?

Быков было шестеро. Хороший счет, если учесть, что их жертвы уже находились в отключке. То, что произошло дальше, буквально заорожило всех присутствующих в ресторане. Мелькали конечности, отлетали, словно мячи от стенки, быки, раздавались звуки хлестких ударов, стоны, вопли боли и надсадная брань, звон бьющейся посуды и треск ломающейся мебели. Все это продолжалось сравнительно недолго — не больше минуты, а затем вдруг настала звенящая тишина. В углу зала на ногах оставались стоять только двое моряков, возвышаясь посреди хаоса из бесчувственных тел, лежащих вперемешку с битой посудой, опрокинутой и раздавленной едой, разбитой в хлам мебелью.

— Ну что, командир, пошли?

— Только расплатимся. Официант, счет. — Сунув Гаврилову пачку денег, чтобы он уплатил и его долю, Антон подошел к подходящему в себя Звонареву. Тот сидел на пятой точке и, тряся головой, пытался реставрировать произошедшие события. Наконец он сумел сфокусировать взгляд на подошедшем к нему парне в военно-морской форме.

— Антон?

— Здравствуй, Сережа.

— Ты как...

— Потом, все потом. Давай быстрее, не то сейчас менты понаедут — и погорел мой отпуск.

Звонарев ни за что не захотел отпускать своих спасителей и уговорил их завернуть к нему домой. Благо и повод был весомый: с Антоном они не виделись с самого выпуска. Потом, благодаря их вмешательству обидчики были повержены, а он, Сергей, отмщен. В общем, все было за то, чтобы продолжить банкет, вот только место сменить.

Квартира была однокомнатной и обставленной по-спар-

тански — ничего лишнего, только то, что могло пригодиться для жизни одинокого холостяка. Впрочем, в углу приютился довольно неплохой компьютер. Это обстоятельство несколько удивило Антона. Нет, Сергей и в училище отличался тем, что преуспевал в области информатики и был несколько помешан на электронике, но выкинуть деньги на столь дорогую игрушку...

После второй рюмки потянуло на разговор. Гаврилов дипломатично налегал на еду, давая возможность старым друзьям наговориться вволю.

— Значит, так у тебя сложились дела, Антон. Ну, у меня все гораздо проще. Лаконичное название части, куда я попал по распределению, означало всего лишь навсегда оборонный завод, при котором имеется секретное конструкторское бюро.

— Ты не много выпил, Сережа? — вдруг всполошился Антон. Трения с особым отделом ему были ни к чему — тут не только загубленным отпуском пахнет.

— Нет. Не переживай, никаких тайн я выдавать не собираюсь. Пока я, так сказать, на ознакомительном этапе. Знакомлюсь с тем, что уже известно, к новейшим разработкам допуска не имею. Да и контролирую себя.

— А как ты вообще оказался в конструкторском бюро?

— Ну, на заводе я работал по командной части. Просто я в этом году заочно закончил радиоэлектронный. Тут, вертясь вокруг всех этих секретов, хочешь — не хочешь, а что-нибудь да услышишь. Вот и услышал я как-то, что у яйцеголовых что-то там не клеится. Извини, в подробности вдаваться не буду. — Антон понимающе кивнул. — Сидел как-то ночью и так, ради интереса, решил покумекать, увлекся — и через несколько дней накумекал. Когда однажды ко мне в канцелярию с какой-то жалобой ввалился яйцеголовый кап-два, я сидел над своими чертежами, и что-то его в них заинтересовало. Он посмотрел, задал пару вопросов и вышел. Я так и не понял, зачем он приходил, а через десять минут ко мне ввалились несколько особистов и без лишних церемоний скрутили меня, выпотрошили мой сейф и стол. Такой же погром устроили и дома. Оказывается, я слу-

ру умудрился набросать принципиальную схему новейшего вооружения, находящегося на стадии разработки. Ну никак особысты не хотели поверить в то, что я никакой не иностранный резидент и что сам дошел до этого.

— И как же ты выкрутился?

— Повезло. У яйцеголовых один узел никак не мог склеиться, а в моих чертежах именно с ним-то все было в полном порядке. Понимаешь. Даже если я все остальное и сдул с секретных чертежей, то этот узел никак не мог свистнуть, так как его-то у них и не было. В общем, система сейчас находится в стадии завершения, а меня — под подписочку и от греха подальше в подчинение тому самому кап-два.

— Действительно повезло.

— Чудны дела твои, Господи, — вынес свое заключение Гаврилов. — Ну, за благоприятный исход текущего мероприятия.

Выпили. Добавили. Повторили.

— Ты говоришь, чудны дела, — пьяно обратился к Гаврилову Сергей. — Это разве чудеса, вот у нас за городом действительно чудеса происходят.

— Какие такие чудеса? — не проигнорировал слов Звонарева мичман.

— Аномальная зона.

— Чего-о?

— Аномальная зона, говорю. Я сейчас увлекаюсь в свободное время всякими паранормальными явлениями. А что, — начал он заводиться на невысказанное вслух сомнение собеседников, — со всякой электронной лабудой теперь на работе не продохнуть, это теперь не хобби, а просто работа — интересная, но работа, — вот и увлекся, так сказать, в качестве хобби.

— Ерунда все это, — вынес свое заключение Антон.

— Возможно. Но только тогда ты мне ответь: Бермудский треугольник — тоже ерунда? А пропадающие то там, то здесь самолеты и попросту люди? Вы скажете, пришельцы. Ладно. Но во всех этих случаях прослеживается определенная закономерность. Понимаете, по всей Земле проходят различные энергетические линии, природа которых пока

не изучена. Иногда это просто ручейки — их называют линиями, — иногда это настолько мощные потоки, что их иначе, как магистралями, не назовешь. Так вот эти линии и магистрали неизбежно пересекаются, образуя целые узлы. В местах же, где пересекается несколько линий, образуются очень сильные узлы, а если пересекаются магистрали, то там энергия буквально бурлит. Вот в таких местах зачастую и пропадают люди и другие объекты, например самолеты или корабли. И вот именно такое место я и обнаружил неподалеку. По моим прикидкам, здесь сойдется не менее четырех магистралей.

— Неувязочка, — пьяно улыбнулся Антон. — Если здесь неподалеку такая аномальная зона, то почему я ничего не слышал о том, что в этом районе часто пропадают люди? А ведь я вырос во Владивостоке.

— Не знаю, но я могу только предполагать. К примеру, чудовищный выброс энергии происходит только в том случае, когда три и более магистрали фокусируются в одной точке, и в этом случае тот, кто оказался в фокусе, просто исчезает.

— Куда?

— Понятия не имею.

— А я предлагаю выяснить это прямо сейчас, — вновь вклинился в беседу Семен. — Ты же говорил, что эта самая ано-ма-льна-я зона где-то рядом, — пьяно, с запинкой выговорил он непривычное слово.

— Ну?

— Ну, так пойдём и поглядим. А как ее мо... можно увидеть?

— У меня есть прибор, который фиксирует колебания магнитных полей. Сам сконструировал, — гордо заключил Сергей.

— Бери.

Как говорится, пьяному море по колено. Спать не хотелось, а заняться в столь поздний час было нечем. Через полчаса друзья уже подходили к какому-то пустырю, расположенному неподалеку от дома Звонарева, на окраине Владивостока.

Аномальная зона оказалась на редкость загаженным местечком, а попросту — стихийной свалкой, до которой властям не было ровным счетом никакого дела. А до чего было им дело вообще, если уже центральные улицы буквально утопали в грязи?

Сергей достал небольшой приборчик и стал что-то сбивчиво и пьяно объяснять, тыкая пальцем в шкалу, по которой прыгала стрелка, никак не желая замирать на одном месте. Антон с Семеном на пару гоготали во всю мощь своих легких, и наконец Сергей присоединился к ним. Никто, разумеется, не стал вглядываться в шкалу и стрелку, которая начала бесновато прыгать то влево, то вправо. Вдруг она метнулась в крайнее правое положение и, дрожа, замерла, словно порываясь проследовать дальше, но ей мешал ограничитель, — а затем трех молодых парней накрыла темнота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лето — осень 1898 года

Глава 1 ПРОШЛОЕ?

Голова болела так нестерпимо, что в начинающем на-конец оживать мозге билась только одна мысль: вчера явно было немало выпито лишнего — иначе никак, потому что такого мучительного похмелья у Антона не было даже от той сивухи, что приходилось пить на острове.

Антон попытался подняться, и это ему с трудом удалось: перед глазами поплыли круги, но вскоре полегчало, и он наконец смог сфокусировать зрение. В паре шагов от него на земле сидел Гаврилов и словно медведь тряс головой — вероятно, и у него похмелье протекало ничуть не лучше, что в общем-то было весьма странно. Мичман никогда не мучился похмельем даже после сильного перепоя.

Сзади обнаружился Сергей, который также начал приходить в себя и зашевелился. Наконец с большим трудом ему удалось приподняться и ничуть не менее интенсивно, чем Гаврилов, потрянуть головой, отчего пожелтевшая хвоя слетела с его волос... Хвоя?!

Антон быстро огляделся и, не веря самому себе, увидел вокруг стену хвойного леса. Бред. Этого не может быть. Они просто не могли забраться так далеко за город. Он точно помнил, что они вышли на пустырь, где, как утверждал Сергей, находится какая-то аномальная зона.

— Командир, а где это мы? — мучаясь головной болью, прохрипел Гаврилов.

— Хороший вопрос.

Когда все наконец пришли в себя, сообща приняли решение подняться на вершину сопки и там уже сориентиро-

ваться по дальнейшему маршруту, так как ни тропок, ни дорог поблизости не наблюдалось.

По счастью, вершина сопки оказалась голой, и ничто не закрывало обзора. Занимающееся утро на удивление было ясным, прохладный воздух — абсолютно прозрачным. На соседней сопке раздался недовольный рык медведя, повсюду слышался неумолчный щебет птиц.

Внизу, на берегу бухты, раскинулся город средних размеров. В самой бухте расположилось несколько десятков судов различного водоизмещения — как военных, так и гражданских, — которые лениво коптели небо. Между этими судами то и дело сновали юркие маломерные суденышки, многие были под небольшими парусами, иные просто весельные — меньше было паровых, с низко стелющимся за ними темным дымком.

Трое молодых людей молча созерцали открывшуюся перед ними панораму, не обращая никакого внимания ни на доносящиеся различные звуки, ни на прохладный ветерок, заставивший их покрыться гусиной кожей.

— Та-а-ак. Началось в колхозе утро, — наконец взволнованно прохрипел Гаврилов.

— Гризли, не рычи. — Песчанин попытался трясти головой, но наваждение и не думало исчезать. — Сергей, поясни.

— Кажется, получилось.

— Что получилось? — взволнованно спросил Антон.

— Ну, аномалия каким-то образом сработала.

— И что теперь?

— Не знаю, — растерянно пожав плечами, ответил Звонарев, если это вообще можно было воспринимать как ответ.

— Погоди-погоди. Что значит «не знаю»? Что это все значит? — бросив на Звонарева озабоченный взгляд, поинтересовался Антон, не в состоянии что-либо понять.

— Мы — здесь, и это факт. В массовый психоз, а тем паче в массовые галлюцинации я не верю, а значит, нас куда-то выбросило. Куда?

— Та-а-ак...

— Погоди, Гризли. Значит, твоя аномальная зона ка-

ким-то образом сработала, и нас выбросило из нашего времени в прошлое.

— Не совсем так. На пустыре действительно что-то произошло, и нас вырвало из нашей реальности и выбросило сюда, но прошлое это или параллельный нашему мир — вопрос. Черт, да это же прорыв в мировой науке! Если это прошлое, то нам можно оставить сообщение для самих себя и в будущем можно будет, основательно подготовившись к этому событию, нагнать ученых, оборудования и изучить это явление глубоко и всесторонне...

— Очнись, Сережа. Какой к едрене матери прорыв. Мы черт его знает где, и что нас ждет в будущем, одному богу известно.

— Слушай, академик, давай-ка откручивай все назад. Мне здесь не нравится. Якорная цепь!..

Голос Гаврилова прозвучал довольно категорично, и его тон не предвещал ничего хорошего. Казалось, что одетый в тельняшку человек-гора вот-вот набросится на художавого Звонарева и растопчет его. Быстро оценив ситуацию, Песчанин поспешил занять позицию между ними:

— Ша, Гризли. Мы сейчас не в том положении, чтобы выяснять отношения.

— А ты меня не тормози! Ты что же — думаешь, что находишься на корабле и вот так запросто меня урезонишь?

Песчанин видел, что Гаврилов сейчас не в себе и достаточно одной искры, чтобы он взорвался, а чем это чревато, ему было прекрасно известно. Необходимо что-то срочно предпринимать, пока все не зашло слишком далеко и пока Гаврилов мог хоть как-то контролировать себя.

— Лады. Твоя взяла. Но учти, что просто избить Сергея я не дам. Конечно, моя рукопашка против тебя слабовата будет, но без драки не обойдется. Только скажи мне, Семен: а чем это нам поможет? — Гаврилов продолжал сверлить Антона свирепым взглядом, но действий пока никаких не предпринимал. Песчанин решил воспользоваться ситуацией по максимуму, пока такая возможность еще существует: — Ну, полегчает тебе ненадолго. А дальше-то что? Нам сейчас, чтобы выжить, вместе держаться надо. Гово-

ришь, субординация не работает? Добро. Только учти, что мы с Сергеем автоматически виснем на твоей шее: командуй.

Антон все рассчитал точно. Гаврилов мог рискнуть собой в самой безнадежной ситуации и практически мгновенно ориентировался в любой боевой обстановке, но панически боялся ответственности за других. Иными словами, всеми правдами и неправдами старался избегать командования людьми.

— Я — это... Ну, в общем...

— Я слушаю тебя. Какое решение ты принял? Мы выполним его.

— Брось, командир. Все. Я в норме. Только вот хочется кого-нибудь порвать.

— Начнешь прямо сейчас или обождешь немного?

— Я же сказал. Я в норме.

— Добро. Как считаешь, где мы? — решил Антон перевести разговор в конструктивное русло.

— К гадалке не ходить — во Владивостоке, — зло пнув заросшую травой землю, буркнул гигант и добавил одними губами еще пару ласковых.

— Вот и я так думаю. Я родился во Владивостоке и ни с каким другим местом его не спутаю. Ну а на подножии этой сопки, по всей видимости, впоследствии будет построен дом Сергея.

Звонарев осмотрелся по сторонам и, мысленно прикинув, кивнул Песчанину, соглашаясь с его правотой.

— Судя по очертаньям, там в бухте находятся крейсера «Рюрик» и «Россия», — между тем продолжал Антон. — Последний построен в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году. Так как «Рюрик» все еще в гавани, а не на дне, то мы имеем период с девяносто седьмого по одна тысяча девятьсот четвертый год. Вот пока и все, что я могу сказать. Теперь самое главное. Нам необходимо определиться — какой сейчас год, параллельный это мир или прошлое нашей Земли. Насколько история этого мира отличается от нашей. Но самое первоочередное — это средства к существованию. Я думаю, золото — это самая твердая валюта всех времен и народов. Прикинем наши возможности.

Антон сам себе поражался. Конечно, хотелось рвать и метать, да только этим делу не поможешь. Возможно, сказало-сь и то, что он не раз и не два мысленно прорабатывал варианты своего попадания в прошлое и то, что он сделал бы, окажись все это реальностью. Опять же множество прочитанных книг на тему попадания в иные миры наших современников все-таки несколько сгладило неправдоподобность ситуации и позволило мыслить, так сказать, позитивно.

В наличии оказались золотая печатка Песчанина, крестик на тонкой цепочке и два зуба Звонарева, а также довольно массивная цепочка на шее Гаврилова, чему немало удивился Антон:

— Откуда дровишки? Вроде не новый русский...

— Так я же с Магадана, на приисках подрабатывал. Вот справил на черный день. Сам говоришь: валюта интернациональная.

— Антон, а при чем здесь мои зубы?

— Ну, если что, то тоже какой-никакой, а актив. Гризли, отставить, — взглянув на потирающего здоровенный кулак Семена, одернул того Песчанин. — Нам только морды сейчас друг другу чистить.

— Так я же как лучше, командир, — вздохнул мичман. — Сереге к зубодеру не идти — страсть как их боюсь, — а я бы раз — испугаться не успел бы, ювелирную работу гарантирую, нам актив в копилку, ну и я бы душу отвел.

— Вон по сосне отработай — глядишь, и полегчает.

— Ага. По ней отработаешь. Ну что, пошли, что ли?

— Пошли уж.

Глава 2 ПЕРВАЯ КРОВЬ

Трое молодых людей на улицах Владивостока, одетые в несколько странную одежду, не вызывали ровным счетом никакого удивления — вернее, если оно и было, то его старались не выказывать. Очень напрягало отсутствие головных уборов. Оказывается, здесь все поголовно носили либо различные шляпы, либо картузы, и, будучи с непокрытой

головой в подобном окружении, трое путешественников во времени чувствовали себя неуютно, так как явно выбивались из общего фона.

Антон обратил внимание, что язык несколько отличается от того, что принят в матушке-России конца двадцатого века, ну да это и неудивительно. Иногда он ловил себя на мысли, что теряет нить разговора из-за непривычных оборотов речи, построения фраз или при применении слов, которые в их современности попросту выпали из оборота или были заменены другими. Подобные же трудности при общении с ними испытывали и их собеседники.

Когда они заговаривали, их говор отличался от местного настолько, что на них невольно обращали внимание, но не так чтобы пристально, — ну да какого только народу нет во Владивостоке, а Россия-матушка куда как велика.

Золото продали без проблем — ювелир предложил вполне приемлемую цену. Возможно, что он их обобрал, и скорее всего так и было, но друзьям выбирать не приходилось, так как цен они все едино не знали.

Через каких-то два часа после появления в городе у них в кармане уже лежали пятьдесят рублей. Сумма весьма неплохая, если учесть, что корову в то время можно было приобрести за десять. По настоянию Гаврилова решили перекусить в одном из трактиров, правда, просьбу Семена о дегустации водки царских времен отменили начисто.

Потом посетили лавку, где прикупили по картузу: что ни говори, а привлекать к себе излишнее внимание непокрытой головой не хотелось — и без того они сильно не вписывались в окружение. Купили и один пиджак с накладными карманами, для Звонарева, чему тот сильно удивился, так как после этих покупок и трактира денег оставалось не так чтобы много. Но на Звонарева у Антона были кое-какие планы, так что карманы ему скоро понадобятся.

После всех этих манипуляций Песчанин ненадолго посетил еще какую-то лавку, из которой вышел, улыбаясь во все тридцать два зуба, сохраняя загадочный вид.

— Сережа, ты не помнишь, как мы однажды оплатили

посиделку в ресторане на твой день рождения? — лукаво поинтересовался он.

— Это было не один раз, но в первый, — чувствуя подвох, подозрительно поправил друга Звонарев.

Антон, заговорщицки подмигнув, раскрыл ладонь и показал три наперстка и бусинку.

— Придется повторить.

— Антон, прекрати. Тогда мы были совсем салаги, — тут же поняв, куда клонит Песчанин, возмутился Сергей.

— Брось. Мы не так уж и сильно повзрослели. А потом, тогда нам хотелось пошиковать, а сейчас нам необходимо выжить. Так что выхода у тебя нет.

— Может, ты блеснешь своей игрой на бильярде? — предложил Звонарев, все еще надеясь, что ему не придется катать в наперстки.

— Не выйдет. Во-первых, у нас не тот прикид, чтобы мы могли пройти в приличное заведение, а во-вторых, денег не так уж и много. Так что идем на рынок — или взваливай на себя руководство группой.

Гаврилов, услышав это, прыснул в кулак, но деликатно отвернулся, чтобы не нервировать Сергея, испытывая перед ним чувство неловкости из-за своей попытки покушаться на его зубы.

— Что ты постоянно шпыняешь — «станешь главным, станешь главным» — то Семену, теперь мне. А вот возьму и соглашусь, — недовольно пробурчал Сергей, но затем, вздохнув, взял наперстки. — Учти, я этим уже давно не занимался, так что и в трубу вылететь можем, ну и если застукают — одна надежда, что отобьете, я боец никакой.

— Да знаю я, знаю. Но кто сказал, что мы вот так сразу ринемся отыгрывать заработанное тяжким трудом? Потренируешься.

Отыскать тихий переулок не составило особого труда. Так что, забившись в какой-то угол между то ли сараями, то ли непримечательными домиками — они особо не вдавались в подробности, — трое горемык начали увлеченно играть в наперстки. Вернее, играли двое, Звонарев же, потея от натуги, пытался всячески их обыграть, шельмуя с

маленькой бусинкой то так, то эдак. К слову сказать, получаться начало далеко не сразу — что ни говори, но навыки Сергей подрастерял. Примерно через два часа Звонарев вдруг почувствовал, что напряжение его отпустило, руки сами собой вспомнили то, чем некогда занимались, а Песчанин и Гаврилов неожиданно осознали, что уже не в состоянии уследить за неуловимой бусинкой, которая всякий раз оказывалась не там, где должна была быть.

Рынок встретил их шумом и гамом, столь характерным, что он мало изменился за прошедшие сто лет, — вернее, он очень походил на тот, что они застали, еще будучи курсантами, в эпоху дикого капитализма. Впрочем, пожалуй, даже тот был потише, потому что там если слышались голоса зазывал, то не так часто и густо, как на этом. Отовсюду раздавались крики, нахваляющие тот или иной товар, этакая реклама, не нуждающаяся ни в каком громкоговорителе, визгливые бабьи голоса то и дело перекрывали мужские, потом все повторялось с точностью до наоборот. В общем, то, что надо: народу полно, все с какой-никакой монетой — кто же на рынок пойдет без денег? — гуляй не хочу.

Предприятие оказалось довольно выгодным, хотя его-то никто не рекламировал: незачем. Достаточно было Звонареву усесться, устроив на коленях кусок доски, а Антону сыграть для затравки пару партий, как люди сами потянулись к наперсткам. В лохах недостатка не было — что поделать, такова натура человеческая: вот хочется поймать золотую рыбку — и все тут. Звонарев честно расплачивался с теми, кто выиграл, угадывая, под каким наперстком находится бусинка, но не забывал забирать деньги у проигравшихся. Выигрывавших он со вздохом называл глазастыми и как бы терял к ним всякий интерес, стараясь завлечь в игру других, но победителей это не устраивало: кто же откажется от возможности заработать, когда везет?

Однажды к обступившей Звонарева толпе попытался приблизиться городской, но Песчанин успел его перехватить. Не говоря ни слова, он сунул в руку стража порядка десять рублей, и тот, погрозив пальцем, но так, чтобы ни-

кто не видел, ретировался охранять порядок в стороне от играющих.

Антон поражался сам себе. Ведь когда они катали в курсантские годы, то всякий раз воровато оглядывались, а о том, чтобы сунуть мзду милиционеру, не было и речи. Едва стражи закона приближались к ним, как они тут же сворачивали свое предприятие и стремились побыстрее смешаться с толпой. Правда, когда на них попытались наехать из рыночной братвы, Антон не растерялся и тут же вступил с ними в диалог — в весьма нелицеприятный, надо заметить, диалог. Позже состоялась обстоятельная беседа с группой поддержки. Однако бригадир братвы, узнав, что ребята не занимаются этим на профессиональном уровне, а только решили подкалымить, чтобы сводить девчат в ресторан, милостиво махнул на них рукой — мол, дело молодое, чего уж там.

Здесь дело обстояло иначе. Антон даже на секунду не задумался, идя на пересечку городовому, прикрывая друга. Возможно, причина была в том, что он не воспринимал себя представителем этого мира, взирая на него как-то со стороны. Это-то чувство помогало ему и впоследствии. Отчего-то у него сложилось ощущение, что он может позволить себе наплевать на существующие законы — не в открытую, но все же.

За ужином в трактире выяснилось, что вместе с их первоначальным капиталом в наличии имеется сто пять рублей — ассигнаций было совсем немного, в основном мелочь. Вполне приемлемая сумма, если не сказать больше. Да-а, велика сила игры. Еще в прошлом, когда Песчанин со Звонаревым катали на рынке, он обратил внимание на то, что люди готовы были и играли буквально до последнего медяка, причем чем меньше денег было у игрока, тем азартнее он оказывался, спуская последние крохи; чуть не половина играющих были женщины, уже за сорок, которых, казалось бы, жизнь давно должна была научить быть сдержаннее, — как бы не так. Как видно, предки не больно-то отличались от своих потомков как в смысле жадности, так и в плане дурости.

Прибыток был весьма солидным, а если судить по покупательной способности, так и вовсе зашкаливал все мыслимые пределы: столько выигрывать за один день друзьям еще не доводилось. Но все же было решено, что назавтра Звонарев повторит свой подвиг, так как денег все же показалось маловато. Что ни говори, а аппетит приходит во время еды.

Ночевать решили в ночлежке неподалеку, расположенной в глухом переулке. Однако когда они вступили на темную пыльную улицу, дорогу им заступили трое мужчин характерной блатной наружности — почему-то они весьма похожи друг на друга что в этом времени, что в будущем. Сзади появились еще трое, ничуть не приветливее первых.

— Здорова, кореша, — заговорил самый рослый. — Нехорошо получается. Пасетесь на нашей земле и о нас не вспоминаете...

— Откуда же нам было знать, что это ваша земля? — спокойно ответил Песчанин, припоминая, что двоих из них он приметил еще на рынке возле играющих, и еще тогда они ему не понравились.

— Надо было поинтересоваться. А то ведь вот как теперь получается, — горько вздохнул лидер местной братвы.

— И сколько мы должны вам положить?

— Штраф, вступительный взнос, ежедневная доля.

— И сколько набежало?

— Сто рубликов, — делано разведя руками, подвел итог здоровяк. — Да не журишь. Это ж из-за неуважения столько набежало. А так каждый день будете отдавать по двадцатке.

— У меня есть предложение. Вы сейчас линяете — и мы забываем, что видели вас.

— Ну-у, зачем же так грубо. Вы двое, конечно, ребята здоровые, да только ваши не пляшут... — Главарь, нагло ухмыльнувшись, кивнул на своих сопровождающих.

— Сергей, отойди в сторону, — прошипел сквозь зубы Антон.

Звонарев молча и быстро повиновался, как это часто бывало еще в их бытность гардемаринами. Что и говорить, драка — это не его конек, вот точные науки — это да. Тем

не менее весь его вид говорил о том, что он готов в случае необходимости прийти на помощь товарищам: как ни верти, но трусом Звонарев не был никогда.

— Гризли, гаси, — тихо бросил Песчанин и тут же бросился к стоящей перед ними тройке. Семен словно перетек из одного положения в другое — и тут же набросился на задних.

Все кончилось за минуту. Перед Антоном лежали двое бесчувственных, один, тихо постанывая, зажимал живот. Песчанин обернулся к Гризли. Там тоже было все кончено, но находившийся целый день на пределе нервного напряжения богатырь не смог сдержать инстинктов боевого пловца. По неестественному положению тел было ясно, что живых там нет. Сам Семен стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Прости, командир. Я, кажется, того... Перестарался, — разведа руки, произнес здоровяк.

— Семен, убийство — и здесь убийство.

— Да я-то что... Они ножи достали.

Взвалив одного из лежавших без чувств на плечо, Песчанин направился по узкому проулку, бросив на ходу:

— Сергей, за мной. Гризли, обруби концы.

— Есть, командир. — Двумя резкими движениями мичман скрутил шеи бандитам, как курятам, и припустил за своими спутниками.

На отдых остановились только за городом — все это время Антон и Семен попеременно несли своего пленника. Здесь выяснилось, что, как ни спешил Гаврилов, карманы убитых осмотреть успел: набежало шестьдесят рублей с мелочью.

Наконец пленник стал приходить в себя. Устроившись поудобнее, Песчанин потер руки и, игриво улыбнувшись, обратился к уже связанному джентльмену удачи:

— Ну что же, хлопчик, давай поговорим... — Пленник затравленно поглядывал на громил, уработавших его товарищей. — Да ты не бойся. Сразу не убили, как твоих дружков, — может, и жив останешься. Понял?

— Чего ж тут не понять-то, — угрюмо бросил тот, сразу

поверив, что его поделельники мертвы, и, особо не надеясь на благоприятный исход, все же решил воспользоваться шансом. Кто знает, может, и подфартит — он вообще считался везунчиком. Вот и сейчас: вроде и положение не из лучших, но с другой стороны, его поделельники мертвы, а он — вон жив... Пока.

— Вот и ладненько. Сколько человек нас пасло?

— Двое.

— А сколько знало о том, что вы хотите нас пощипать?

— Только мы шестеро. Шершень сказал, что незачем много народу подтягивать, шестерых за глаза. Он бы и меньше с собой взял, но больно ему не понравился тот большой...

Антон понимающе кивнул: Семен внушал уважение с первого взгляда. Конечно, слегка разочаровало то, что его самого в особый расчет не брали, ну да это их проблемы.

— А сколько человек в ватаге?

— Двенадцать. Было.

— И кто теперь станет за главного?

— Жив останусь — я.

— Вот и ладно. Только уговор: ты нас не видел. Что произошло с друзьями, не знаешь. Я надеюсь, это тебе под силу? Прекрасно. Как мы сможем тебя найти?

— А это еще зачем? — В голосе пленника слышались и надежда и сомнение одновременно. Вроде как складывалось так, что его все же отпустят, но с другой стороны — вот ведь хотят его найти.

— Скажем так, мы — люди новые в городе и лишнее знакомство нам не повредит.

— На рынке спросите любого босяка про Варлама — покажет.

— Значит, Варлам. А скажи-ка, Варлам, где у вас катают на бильярде?

— В Холщовом переулке, в трактире «Боцман», это возле порта. Туда и иностранцы заглядывают.

— Большие ставки?

— Как сойдется. Бывает и по сотке, если есть монета.

— Спасибо, Варлам. А теперь иди. И помни, что я тебе сказал. Впрочем, можешь попробовать меня обмануть...

Непринужденный тон, каким это было сказано, вовсе не ввел в заблуждение бывалого вора.

— Ну и почему мы его туда же не отправили? — поинтересовался Гаврилов, когда Варлам скрылся из виду.

— Семен, не придуривайся. А кто нам поможет паспорта справить, чтобы никто не подкопался? Или у тебя есть знакомые умельцы?

— Ага, только свистну. Ладно, ты главный. Рули уж.

На следующий день Варламу сообщили о том, что пятеро из их ватаги обнаружены мертвыми, с перебитыми костями. Списали на китайцев. Больно хунхузы вольготно стали чувствовать себя во Владивостоке, опять же Шершень был не босота из переулочка — абы кто поостерегся бы переходить ему дорогу. Заняв место вожака, или, как говорится, став Иваном, Варлам должен был покарать убийц, и он поклялся не знать покоя, пока его кара не достигнет повинных в смерти их товарищей. Однако, будучи по натуре далеко не глупым, а скорее даже наоборот, предпочел не упоминать о своем участии в ночном инциденте. О том, что воплощать в жизнь свое обещание не намерен, Варлам тоже решил дипломатично промолчать.

Глава 3 НА БИЛЬЯРДЕ

Скучные вечера на Кунашире каждый проводил по-своему. Кто пил горькую, кто завлекал молодух, ожидавших мужей из моря или командировки, кто сочетал и то и другое, благо жены офицеров в подавляющем своем большинстве в борьбе с зеленым змием могли дать фору даже здоровым мужикам. На этом в принципе развлечения и исчерпывались.

Песчанину ни то, ни другое не нравилось. Он, конечно, имел обыкновение иногда хорошенько выпить, но превращать это в правило ему претило. Женщин любил, но крутить с женами офицеров не хотел, а свободных девиц было раз, два и обчелся, да к тому же они все как одна имели толь-

ко одну цель — как можно половчее окольцевать видного молодого холостяка, а вот это в его планы не входило. Нет, он не относил себя к закоренелым холостякам, но полагал, что бросаться в омут, чтобы создать семью, торопиться не стоит. Наблюдая за «счастливыми» семейными парами в городке, которые буквально устраивали соревнования по пышности и ветвистости рогов друг у друга, поневоле станешь циником и будешь отбояриваться от такой перспективы всеми доступными способами. А может, дело было в том, что, несмотря на то что он был способен заставить время на ту или иную представительницу слабого пола, ни одна так по-настоящему и не задела его души.

В этой ситуации у него оставалось только две отдушины — игра на бильярде и конечно же литература. Вторым он мог заниматься в полном одиночестве. Первое требовало наличия партнера, так как катать шары с самим собой было неинтересно. Однако тут на помощь молодому лейтенанту пришел первый метод времяпрепровождения в городке. Какой же мало-мальски умеющий держать в руках кий мужчина откажется от партии-другой на бильярде, тем более приняв на грудь? Так что практика у Антона была богатая, тем паче что среди гарнизонных игроков попадались вполне приличные «бильярдисты». Почему в кавычках? А разве нужно объяснять? Он еще с училища хорошо играл на бильярде, так что в городке не знал себе равных. Но это не останавливало остальных офицеров, так как иметь выигранную партию на бильярде у Антона — считалось уже признаком мастерства и предметом гордости, вот только таких счастливиц можно было перечесть по пальцам.

Появление нового игрока в «Боцмане» восприняли с энтузиазмом. Едва только Антон выставил шары и предложил игру, как тут же нашелся желающий пощупать лоха. Но попытка оказалась неудачной. За первым появился второй, потом третий. Антон не спешил выказывать всех своих способностей, поэтому позволял себе мазать, но старался делать это так, чтобы у окружающих не сложилось впечатления, что он играет с ними как кот с мышью. Игра шла. В общую кассу капала монета. С кого по пятерке, с кого по

червонцу, а с кого и по два. Он уже обыграл пятерых, и никто пока не пытался на него наехать, чтобы объявить нечестным на руку или каталой.

Однако радоваться Антон начал преждевременно, так как, оценив его манеру, а главное — мастерство игры, против него вышел лучший катала из ошивавшихся в «Боцмане». Антон уже успел заметить, что двое из игравших «по маленькой» были не простыми посетителями заведения, которых обычно здесь ошипывали, — они как раз и были этими самыми щипачами. Вот только рыбка оказалась им не по зубам. Однако нет худа без добра, так как их лидер имел возможность оценить игру новичка, появившегося ниоткуда.

Катала был одет куда приличнее своих прихлебал: на нем был темно-синий пиджак явно хорошего сукна, из кармашков красного жилета свисала солидная цепочка, явно не бижутерия, и часы, к которой они крепились, скорее всего, тоже были весьма недешевыми — не могло быть у него дешевых часов, — темно-синий галстук с редкими белыми горошинами был повязан аккуратно и весьма умелыми руками. Телосложение среднее, а вот лицо имело болезненную худобу, закрученные же усы и бородка клинышком делали его еще более отталкивающим.

Едва тот взял в руки кий, Песчанин тут же безошибочно определил весьма искусственного игрока. С этим играть, выказывая слабость, чтобы завлечь в игру, нечего было и думать, потому что в этих играх он ему был не конкурент. Здесь нужно было играть, выкладываясь по полной, иначе были все шансы остаться ни с чем за один вечер, а их средства и без того были ограниченными. По сути, сейчас Антон рисковал всеми их деньгами на сегодняшний день.

Вновь возвращаться на рынок с наперстками было рискованно: уж слишком они наследили. Причем опасность исходила как от блюстителей закона и порядка, так и от местной братвы. А оно им надо?

— Как играем? — выставя шары, поинтересовался Антон.

— По сотенной, — лениво пыхнув папирской, произнес катала.